

**Владимир Алексеевич Ива́нов —
выдающийся иранист мирового масштаба
Часть 1**

Ю.А. ИОАННЕСЯН

Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO627287

Статья поступила в редакцию 10.12.2023.

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся иранисту XX в. — В.А. Ива́нову, научная деятельность которого объединяла два направления: персидскую/иранскую диалектологию и исмаилизм, а сам он стоял у истоков обоих этих направлений. Автор попытался рассмотреть оба из них, чтобы можно было целостно оценить масштаб фигуры этого ученого, как и его вклад в мировое востоковедение. Статья публикуется в двух частях, первая часть включает биографию В.А. Иванова и разделы, посвященные его трудам в области лингвистики. В ней в числе прочего использованы воспоминания самого востоковеда и архивные материалы ИВР РАН.

Ключевые слова: история востоковедения, персидская/иранская диалектология, исмаилизм.

Для цитирования: *Иоаннесян Ю.А.* Владимир Алексеевич Ива́нов — выдающийся иранист мирового масштаба. Часть 1 // Письменные памятники Востока. 2024. Т. 21. № 1 (вып. 56). С. 115–134. DOI: 10.55512/WMO627287.

Сведения об авторе: ИОАННЕСЯН Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.

© Иоаннесян Ю.А., 2023

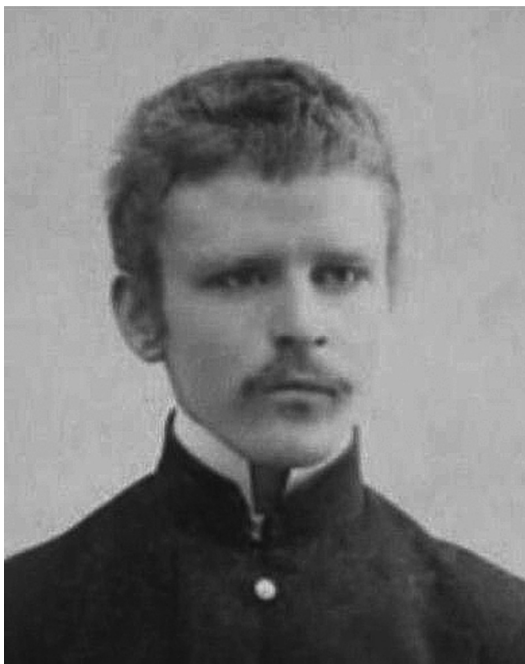
I. Страницы биографии В.А. Иванова (1886–1970)¹

Известный востоковед русского происхождения, проживший большую часть жизни в эмиграции, Владимир Алексеевич Иванов родился 3 ноября (по новому стилю) 1886 г. в Санкт-Петербурге на улице Десятой роты Измайловского полка². Его отец (Алексей Андреевич Иванов), дед и прадед — коренные петербуржцы. Мать —

¹ В этой части мы активно используем (наряду с другими источниками) «Воспоминания о Востоке. 1918–1968» В.А. Иванова (Иванов 2015), подготовленные к печати и изданные с подробным комментарием Б.В. Нориком. См. также: *Иванов В.* Пятьдесят лет на Востоке: воспоминания / В.А. Иванов; вступит. ст., коммент. и прил. Фархада Дафтари. М.: Наука — Вост. лит., 2019.

² Ныне 10-я Красноармейская улица Санкт-Петербурга.

Царское село, 1907,
фото из архива востоковедов РАН.
Фонд 19, опись 1, ед.хр. 54

Мария Филипповна Марченко была родом из Харькова. В 1894 г. семья переехала в Москву, потом в Ярославль, затем вернулась в Москву, потом поехала в Тульскую губернию Веневского, или Каширского, уезда. В 1899 г. она вернулась в Москву и потом в Петербург, где Иванов поступил во второй класс гимназии (Гимназии Императорского Человеческого общества) (Иванов 2015: 11 и примеч. 22).

С четвертого класса Иванов учился в Царскосельской гимназии. В то время семья проживала в Царском Селе. Он много путешествовал на велосипеде по окрестностям Санкт-Петербурга, побывал в Нарве, Эстляндии (Ревеле, теперь Таллине), на Валааме, в Финляндии, а также посетил Крым и другие места. По окончании гимназии поступил в Университет на факультет восточных языков. В своих «Воспоминаниях» он называет это событие «крутым поворотом» в своей жизни. Наперекор общему тренду того времени получать инженерное образование Иванов увлекся Востоком, о котором, как пишет он сам, много читал, но мало знал (Иванов 2015: 14).

Вернувшись из Крыма в середине ноября 1907 г., Иванов начал ходить на лекции. Среди преподавателей были крупные иранисты — В.В. Бартольд и К.Г. Залеман, о которых в своих «Воспоминаниях» он отзывается довольно положительно. О других же, в том числе и о некоторых весьма известных специалистах, в целом скупой на похвалы Иванов высказывался критически. Также сетовал на то, что не застал «большого специалиста в арабском языке» барона В.Р. Розена, который был болен на момент поступления Иванова в Университет и вскоре умер. Учился Иванов хорошо и при переводе с третьего на четвертый курс в 1910 г. получил командировку в Персию на три месяца, которая реально продлилась пять. По дороге побывал в Бухаре и Самарканде, а в Персии посетил Решт, Тегеран, Казвин, Исфахан. В последнем, по собственному признанию, впервые вступил в контакт с дервишами (Иванов 2015: 76) и приобрел несколько рукописей, которые потом передал в Азиатский Музей³ (Там же: 75).

Иванов открыл для себя Азиатский Музей на втором курсе учебы в Университете. По этому поводу он пишет: «Я сразу почувствовал разницу между Азиатским Музеем и Университетом, где была учеба с ее экзаменами, политикой и всякими формальностями и неприятностями, а в Музее была „наука“, атмосфера другого мира,

³ Азиатский Музей — ныне Институт восточных рукописей РАН.

именно того, к которому меня тянуло. Я стал все чаще заходить туда и потом „акклиматизировался“» (Иванов 2015: 19). Обыкновенная, «стандартная» стезя для восточников — поступление в «Учебное Отделение Министерства Иностранных Дел», что открывало дорогу по консульской службе, по его признанию, мало привлекало. Ему же хотелось устроиться как-нибудь по чисто научной части в Азиатском Музее, хотя такая служба обещала низкую плату. «Правительство скупой отпустило средства на Академию наук», — сетовал Иванов (Там же: 20).

По совету одного хорошо относившегося к нему университетского лектора Иванов по окончании Университета устроился на работу в банк, в котором работал и сам лектор, что предусматривало командировки в Персию. В 1911 г. Иванов выехал в Персию через Туркестан с заездом в Ташкент, Самарканд и Бухару. Начальство назначило его в Бирджанд⁴, город в Юго-Восточной Персии, в южной части провинции Хорасан. Это был, как отмечает Иванов, «захолустный и труднодоступный городишко». Бирджанду и Хорасану в целом он посвятил немалую часть своих диалектологических изысканий, итогом которых явилась серия трудов, среди них особо отметим «Persian as spoken in Birjand» (Ivanow 1928a; см. ниже). Эта работа оставалась на долгие десятилетия единственным источником по изучению бирджандского диалекта персидского языка, входящего в группу хорасанских диалектов, первопроходцем в исследовании которых и стал Иванов. В Хорасане ему еще приходилось бывать не раз, но первый опыт, как часто случается, был для него особенно незабываемым. Вот как сам он описывает этот этап своей деятельности: «Действительно, мой первый год в Бирджанде, 1912-й, был самым счастливым и радостным периодом в моей жизни, какого уже больше переживать не приходилось» (Иванов 2015: 25).

Из Бирджанда на востоке Персии после закрытия банка судьба забросила Иванова в 1913 г. на крайний запад этой страны — в г. Керманшах. По собственному его признанию, было очень жаль покидать Бирджанд, но утешением явилась возможность путешествия через Центральную пустыню Дешт-е Кевир. Он проехал на верблюдах до Табаса⁵, где вышел на Хорасанскую дорогу, а потом через Анарак, Наин, Кухпа — до Исфахана. Там задержался на неделю для найма вьючных лошадей и направился через Арак на Хамадан, также посетил и Персидский Курдистан. В поездках по Персии Иванов всегда использовал любую возможность для сбора диалектологического и этнографического материала. Некоторым из этих мест посвящены отдельные лингвистические работы этого ученого, как, например, деревне Мехреджан (Михриджан) в округе Хур провинции Исфахан, которую Иванов посетил на пути из Бирджанда в Хамадан.

В 1914 г. Иванов оставляет службу в банке, но вместо прямого возвращения в Петербург решает еще посетить Индию, куда отправляется из Басры в Ираке на пароходе, успевает во время краткосрочного пребывания в Багдаде съездить на раскопки Вавилона с миссией профессора Кольдевея (Иванов 2015: 29–30). Так он впервые попадает в Индию — в страну, с которой его позже связала судьба. Из Индии он намеревался на пароходе вернуться в Россию через Одессу, но эти планы были нарушены Первой мировой войной. С большими приключениями Иванов добрался до Ашхабада (Ашкабада — в его собственной передаче) через Персию, где сел на поезд.

⁴ Вариант передачи этого топонима: Бирдженд. Мы же сохраняем название в той форме, которую использует в своих «Воспоминаниях» Иванов.

⁵ Вариант этого названия: Тебес.

В Петербурге его тепло встретил Залеман, директор Азиатского Музея, который сразу дал ему работу над рукописью. Как указывает в комментарии к «Воспоминаниям» Б.В. Норик, с 1 января 1915 г. Иванов стал сверхштатным сотрудником Азиатского Музея (Иванов 2015: 35, коммент. 144)⁶. Но его сильно мучила малярия, которой он заразился в Индии (в Мультане). Залеман посоветовал переменить климат, и Иванов отправляется в Бухару. Эта поездка оказалась крайне удачной. Иванов не только избавляется в Бухаре от малярии, но и, как отмечает Норик, собирает 1057 рукописей — из них 38 еврейско-персидских и еврейских (Там же: 35–36, коммент. 146). Кроме того, он послал местную старую керамику Музею антропологии и этнографии по поручению директора этого Музея академика В.В. Радлова.

В разгар Первой мировой войны Иванова призвали в армию и благодаря его знанию нескольких иностранных языков отправили прямо в «команду солдат, причисленных к Главному управлению Генерального штаба», в самом Петербурге, в «Иностранное Отделение». Вскоре его перевели в «Особое делопроизводство», специально организованное для сношений с представителями союзных армий при Главной Квартире (Иванов 2015: 37). По ночам Иванов работал в Азиатском Музее. После смерти Залемана в 1916 г. директором Азиатского Музея становится С.Ф. Ольденбург, который оформил Иванова хранителем Азиатского Музея. С керосином в Петербурге в условиях войны было сложно, но у Иванова был запас елочных свечек, и он работал с ними в Музее. При таких условиях он «приготавливал издание *Умму'ль-Китаб* и других исмаилитских текстов» (Там же: 38). Видимо, это явилось первым опытом работы с литературой исмаилитов. Исследованию учения исмаилитов Иванов посвятит долгие годы жизни в будущем, оно станет одним из двух главных, если не основным, направлений всей последующей научной деятельности этого великого ученого.

К весне 1918 г. в Петербурге (Петрограде)⁷ стало очень трудно с продовольствием, и «Правление Академии для сохранения квалифицированных работников решило предложить желающим взять трехмесячный оклад жалованья и поехать в отпуск во внутренние районы России, где продовольственный вопрос не стоял так остро». Иванов «подал заявление об отпуске в Бухару, которое Сергей Федорович переделал на командировку для поисков рукописей» (Иванов 2015: 39). Очевидно, с этого момента следует отсчитывать тот период, о котором сам Иванов написал следующее: «Так сложились обстоятельства моей жизни, что мне пришлось почти безвыездно прожить более пятидесяти лет (1918–1968) на Востоке, в исследовательской работе по иранологии (диалекты персидского языка) и исламологии (шиитское сектанство)» (Там же: 9).

«Эмират Бухара считался „протекторатом“... В нем Россию представлял резидент, чиновник Министерства иностранных дел. После Октябрьской революции его заменило представительство Совета рабочих и солдатских депутатов в Кагане» (в 12 км от Бухары). Ситуация в Туркестане, по словам Иванова, была сложная, повсюду шли восстания. Оставаться там надолго стало невозможно. В этом положении возвращаться в Петербург было и трудно, и бессмысленно. Единственным выходом представлялся отъезд в Персию, но это требовало получения пропуска (Иванов 2015: 40). Иванову «выдали бумагу вроде дипломатического паспорта», и он поехал.

⁶ См. также: Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 12(1).

⁷ В своих «Воспоминаниях» Иванов нигде не использует название «Петроград».

Но и в Персии ситуация была сложной. Устроиться на работу оказалось невозможным, и Иванов некоторое время занимался тем, что давал уроки английского языка детям своего знакомого и бывшего сослуживца по работе в банке в Мешхеде. Но после его отъезда в Сирию, откуда тот был родом, положение Иванова стало катастрофическим. «Я писал всюду, где могла предполагаться возможность спроса на мои востоковедные квалификации, но ничего не выходило», — повествует о тех временах Иванов. В результате ему все-таки удалось найти работу в Отделе наемного транспорта в Мешхеде при англичанах благодаря некоему генералу Диксону, который был русофилом (Иванов 2015: 44). Иванов работал переводчиком у англичан в статусе временно нанятого служащего. Он постепенно акклиматизировался к этой новой среде. «В конце лета 1920 года, — пишет Иванов в своих „Воспоминаниях“, — заговорили о нашей эвакуации... Наконец была выработана программа „ухода“ четырьмя „конвоями“, эшелонами» (Там же: 46–47). Речь шла об отъезде в Индию.

Так Иванов второй раз попадает в Индию. Высшее начальство разрешило ему остаться в той стране и ехать в Калькутту, где он нашел крайне интересную для себя работу в Бенгальском Азиатском обществе. Это Общество издавна вызывало к себе интерес Иванова. Еще в бытность свою в Персии, в Бирджанде, будучи подписчиком «Журнала Королевского общества в Лондоне», он одновременно был подписан и на «Журнал Бенгальского Азиатского общества» (Иванов 2015: 109). В этом Обществе Иванов прослужил до 1930 г., напечатав четыре тома каталога персидских рукописей (922 страницы), и приготовил каталог арабских рукописей, публикацию которого из-за отсутствия средств пришлось приостановить (Там же: 48–49). Иванов состоял в переписке с видными востоковедами того времени: К. Броккельманом, Э.Г. Брауном и Р. Никольсоном, которые присылали свои книги как ему лично, так и для библиотеки Бенгальского Азиатского общества (Там же: 112).

Отметим, что значительная часть важнейших трудов Иванова была издана именно Бенгальским Азиатским обществом. Этот период ознаменовался выходом его лингвистических и этнографических трудов по персидской и иранской диалектологии, а также о нравах и обычаях народов Персии, отразивших богатейший опыт ученого и вобравших в себя ценнейшие материалы, собранные в той стране, особенно, в Хорасане, научному изучению диалектов которого Иванов положил начало.

Однако не все так просто складывалось у Иванова в Индии. Индусы и мусульмане, пишет он в «Воспоминаниях», приняли его с нескрываемой враждебностью. Вокруг Иванова образовался как бы «сомкнутый фронт». «Как он может претендовать на знание персидского языка, когда он даже не может свободно говорить на урду?» — задавались вопросом они (Иванов 2015: 49). Иванову приходилось преодолевать сильное противодействие отдельных недоброжелателей. Но англичане его поддерживали. Иванов надеялся при первой же возможности вернуться на родину, однако обстоятельства не благоприятствовали этому. И через пять лет безвыездного пребывания в Индии, он, не без колебаний, подает заявление на получение британского гражданства, которое было удовлетворено. Как отмечает он сам, это избавило его на сорок лет (1928–1968) от хлопот и беспокойств (Там же: 56).

В 1928 г. Иванов сумел получить трехмесячную командировку в Персию. Как отмечает Норик в комментарии, командировка длилась с августа по декабрь 1928 г. В Персии Иванов посетил города Бушер, Шираз, Тегеран, Мешхед, Захедан. Всего же за поездку по Индии и Персии им было собрано 1500 томов (Бенгальскому Азиатскому обществу из них досталась только 161 рукопись) (Иванов 2015: 51, коммент. 218).

По мере того как дела Иванова с Бенгальским Азиатским обществом в Калькутте ухудшались, он «постарался войти в корреспонденции с Бомбейским Агахановским центром» исмаилизма, которым интересовался давно, о чем будет сказано в соответствующем разделе. Этот центр «издавал еженедельный журнал на гуджаратском наречии, в котором несколько страниц всегда было отведено для статей по-английски». Когда в 1928 г. Иванов проезжал через Бомбей, то навестил редакцию журнала и был принят с огромным радушием и «помпой».

В какой-то момент перед Ивановым открылась перспектива составления каталога новых поступлений персидских рукописей для Бодлеанской библиотеки в Оксфорде. Но этому проекту не суждено было сбыться. С прекращением работы в Калькутте Иванов пробует найти ее у исмаилитов, «Агахановских ходжей»⁸, которые отнеслись к нему так радушно в 1928 г. В декабре 1930 г. он получает ответ: «Его Величество Агахан выразил согласие на приглашение» Иванова «для постоянной работы по исследованию истории, литературы и философии исмаилитского движения», к которой он приступил с 1 января 1931 г. (Иванов 2015: 59). С этого момента начинается второй, важнейший период в научно-исследовательской деятельности и жизни Иванова — изучение исмаилизма, продлившийся до конца его дней. Именно труды в данной области принесли ему славу великого ученого.

«Мою удачу, — писал Иванов, — в получении доступа к подлинной исмаилитской литературе разных толков приветствовали многие известные европейские ученые, как Л. Массиньон, Р. Штроттманн, П. Краус и другие» (Иванов 2015: 61). Однако работа над этой тематикой, и особенно печатание исмаилитских книг, как сетует Иванов в «Воспоминаниях», была сопряжена со сложностями и множеством интриг. Предмет этот, достаточно деликатный, вызывал неоднозначную, порой негативную реакцию у заинтересованных лиц с разных сторон.

В 1959 г. Иванов переехал из Бомбея в Тегеран, где провел оставшиеся годы жизни до своей кончины в 1970 г. (Акимушкин 2002: 446). Как поясняет Норик в комментарии со ссылкой на переписку Иванова с известным французским исламоведом А. Корбэном, подобная перемена была связана с тем, что Ага-хан IV принял решение перенести штаб-квартиру «Исмаилитского общества» в Карачи, где «нет библиотек, сравнимых с таковыми в Тегеране, а лето — ад». К тому же, Иванов констатировал, что в той области, которой он занимается, «в этой стране ничего интересного уже нет» (Иванов 2015: 68, коммент. 288). По свидетельству известного ираниста О.Ф. Акимушкина, в Тегеране Иванову «решением Совета университета были предоставлены две небольшие комнаты на втором этаже Университетского Клуба, в котором обычно жили приглашенные иностранные профессора. Лекций Иванов не читал, но проводил занятия по исмаилитской тематике с аспирантами из Польши, Японии, европейских стран. В 1968 г. тогдашний шах Ирана (Мохаммад Реза Пехлеви) наградил его орденом за выдающиеся успехи в изучении культуры и философии Ирана» (Акимушкин 2002: 446). Годы жизни в Тегеране, как отмечает Норик, протекали для Иванова трудно, о чем, в частности, свидетельствуют строки из его письма Корбэну от 18 мая 1960 г.: «Увы, я веду бесполезную битву со всемирной ленью и бесчестностью и вынужден оставлять одну запланированную публикацию за другой, поскольку я один не могу выполнить всю программу, сосредоточение на которой я считаю наиболее важным делом» (Иванов

⁸ «Ходжами» называются индийские исмаилиты-низариты.

2015: 68, коммент. 288). Иванов скончался в Тегеране 1 июня 1970 г. (Акимушкин 2002: 446).

В СССР в среде востоковедов отношение к Иванову было неоднозначным. Одни, в соответствии с господствовавшим мировоззрением того времени, считали его «невозвращенцем», «перебежчиком» и «представителем буржуазной науки», «нашедшим прибежище у исмаилитского Ага Хана»⁹, другие высказывались о нем положительно, некоторые, такие как О.Ф. Акимушкин и М.Н. Боголюбов, имели с ним и личные контакты (Акимушкин 2002: 446)¹⁰. Но все, кто упоминал Иванова в беседах с нами¹¹, признавали масштаб его личности как великого ученого.

Как сообщил нам в разговоре Акимушкин, по стечению обстоятельств Иванов был похоронен на христианском кладбище в Тегеране в одной из безымянных могил. Идея о публикации некролога ученому была категорично отклонена тогдашними руководителями востоковедной периодики в СССР (Акимушкин 2002: 447–448, примеч. 2). В силу ряда причин, включая политические, официальные органы того времени отказались принять и перевезти архив Иванова после его смерти, который он намеревался отослать на Родину, и в итоге архив перешел в собственность тегеранского университета¹². В этом можно увидеть и определенный символизм. Ведь наследие этого великого востоковеда, поистине мирового уровня, принадлежит не только СССР или России, но и всему человечеству и, безусловно, не в последнюю очередь Ирану, исследованию языка, культуры и религии которого Иванов посвятил свою жизнь.

II. Лингвистические (диалектологические) и этнографические изыскания В.А. Иванова

Имя Владимира Алексеевича Иванова в сознании его коллег-востоковедов более всего связано с изучением исмаилизма, которому ученый посвятил зрелые годы своей жизни. Однако не менее ценны основанные на полевых исследованиях изыскания Иванова и в области иранской и персидской диалектологии и этнографии, с которыми связаны ранние годы научной деятельности этого востоковеда. Он был одним из тех, кто стоял у истоков изучения персидских и иранских диалектов в Европе. Особо весом вклад Иванова в диалектологию Хорасана, исследованию персидских диалектов которого он практически положил начало. Именно Ивановым в 1912–1919 гг. был собран в различных областях этой иранской провинции на северо-востоке страны богатый лингвистический материал, вышедший в серии публикаций. Здесь он шел по стопам своего университетского педагога, известного ираниста В.А. Жуковского (1858–1918), несмотря на непростые личные отношения между этими двумя великими учеными, что с очевидностью следует из «Воспоминаний»

⁹ У части отечественных востоковедов Иванов имел репутацию человека язвительного и желчного, что, правда, никак не проявлялось в его работах, за исключением отдельных рецензий.

¹⁰ Акимушкин не только неоднократно встречался с Ивановым в Тегеране (1966–1968), но и поддерживал с ним регулярную переписку (Акимушкин 2002: 446). От него же нам стало известно, что сам Иванов ставил ударение на втором слоге своей фамилии: Ива́нов. О своей встрече с Ивановым в Тегеране Боголюбов рассказывал студентам на занятии в Ленинградском (ныне — Санкт-Петербургском) университете.

¹¹ Речь идет о 1970–1980-х годах.

¹² Эти сведения сообщил нам в личных беседах Акимушкин.

Иванова. Их диалектологические изыскания носили взаимодополняющий характер. Если Жуковский собрал и издал на стыке XIX–XX вв. огромный материал по диалектам Северного, Центрального и Юго-Западного Ирана, множество из которых (но не все) относятся к северо-западной подгруппе иранских диалектов или примыкающим к ней диалектам Центрального Ирана, то Иванов сосредоточил свое основное (но не исключительное) внимание на персидских говорах Восточного Ирана (Хорасана).

Блестящее знание и ощущение персидского языка позволяли Иванову проникать саму его «живую ткань». Грамматические экскурсы и примечания к диалектным текстам в его трудах полны ценных наблюдений, не утративших актуальности и поныне. В 1915 г. он издал статью, посвященную персидской народной поэзии: «Несколько образцов персидской народной поэзии» (Иванов 1915). Среди последних и четверостишия (№ 23–49), записанные в 1914 г. в селении Сейфабад в районе Туршиза (современное название — Кашмер, расположен в центральной части остана Хорасан). Эта первая его публикация, одна из немногих среди трудов Иванова, изданных по-русски, предваряла серию работ по хорасанской диалектологии на английском языке, появившихся, когда автор был уже в эмиграции (см. предыдущую главу). Десятилетием позже Иванов опубликовал поэтические тексты, в основном четверостишия фольклорного характера, собранные в 1918–1919 гг. в районе г. Сабзева в Северо-Западном Хорасане: «Rustic poetry in the dialect of Khorasan» (Ivanow 1925). Материал, представленный в этом труде, дает довольно ясное представление о диалекте, в первую очередь с фонетической точки зрения. Во вводной части содержится краткий очерк персидской народной поэзии и особенностей хорасанского диалекта, отмечаются черты, отличающие последний от литературного персидского языка. При этом автор рассматривает хорасанский диалект в целом, указывая на то обстоятельство, что «язык, на котором говорит персидское население Хорасана, почти единообразен» (здесь и далее в статье перевод наш) (Ibid.: 241). В очерк включены список зафиксированных в говорах личных форм и причастий неправильных глаголов, а также список диалектной лексики. С Сабзеваром же связана и другая работа Иванова: “Some poems in the Sabzawari dialect” (Ivanow 1927a). Она представляет собой публикацию двух поэм, написанных более чем столетием раньше двумя сельскими поэтами, проживавшими в указанном районе. Язык этих произведений автор характеризует как «сабзеварский диалект в исключительно чистой форме» (Ibid.: 6). По его мнению, хотя поэмы эти (суфийского содержания) и не имеют ничего общего с подлинным фольклором, их можно рассматривать как ценные в филологическом отношении документы (Ibid.: 7). Первоначально записанные в арабской графике, специально приспособленной для передачи диалектных форм и произношения, они были озвучены живыми носителями говора и воспроизведены Ивановым в латинской фонетической транскрипции (Ibid.: 8). Тексты, представленные в трех вариантах: в оригинале, в переложении на литературный персидский язык и в транскрипции, снабжены английским переводом. Небольшой поэтический фрагмент (из девяти строк) на сабзеварском диалекте помещен и в статье Иванова: “Muhammadan child killing Demons” (Ivanow 1926b). Из Северо-Западного Хорасана в Южный Хорасан переносит нас следующая работа Иванова — “Persian as spoken in Birjand” (Ivanow 1928a)¹³. Она содержит богатый фольклорный материал, собранный в 1912–

¹³ Хотя работа эта вышла в свет позже рассмотренных нами выше, собрание Ивановым бирджандского материала предшествовало его полевым исследованиям в области сабзеварского говора.

1913 гг. в районе (окрестных деревнях) г. Бирджанда, географические пределы которого очерчены границами окружающих его сопредельных территорий: Кайена, Зиркуха, Суннихане и Нехбендана (Ibid.: 239). Диалектные тексты включают как сказки и короткие рассказы, так и четверостишия, свадебные и колыбельные песни. Грамматический очерк посвящен особенностям южно-хорасанского диалекта. Работа содержит также и сведения о селениях Бирджандской долины и близлежащих районов.

Географический охват территории Хорасана, обследованной Ивановым, и разнообразие привезенных им материалов наглядно представлены в вышедшей в 1918 г. в «Известиях Российской Академии наук» (Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie) его заметке: «Краткая опись материалов для изучения персидских наречий и говоров, собранных в 1912–1914 годах в Персии» (Иванов 1918). В этой Описи указаны населенные пункты¹⁴, в основном входившие в Округ г. Бирджанда:

1. Поэтические образцы — четверостишия, свадебные, колыбельные, юмористические песни и др. (всего около 500):

- а) в деревнях по обоим склонам хребта Багеран¹⁵ (с запада на восток): Губегу¹⁶, Рекат, Нармандж, Зируч, Йашт, Голь, Фариз, Хурашад, Хариванд, Кеништ (Кенешт?) и др.¹⁷;
- б) в деревнях по руслу (реки) Руд-е Бирджанд: Шази́ле, Техкаб (Текаб?), Ма'сумабад;
- в) деревни в горах к северу от Бирджанда: Гуранг (к западу от хребта Арг), Чахек, Седех, Махиабад и др.¹⁸;
- г) горы к востоку от Бирджанда: Зирк, Дармиун, Джезик (Гезик?), Табас¹⁹ и др.

2. Прозаические образцы и отрывки: сказания, анекдоты, драматические сцены (*шаббазы*), причитания и т.п., собранные главным образом от жителей деревень Нармандж, Техкаб, Губегу, Бошруйе²⁰ (округ города Туна) и др.

3. Несколько дефектных, но дополняющих друг друга списков версифицированного *фарханга* некоего Муллы Сабухи, жившего около ста лет назад, собравшего наиболее своеобразные выражения жителей этого округа (Иванов 1918: 413–414).

Прежде чем перейти к работам Иванова по языкам (диалектам) неперсидских этнических групп Хорасана, остановимся на его пространной статье, посвященной

Черновые записи Иванова по бирджандскому диалекту (по сути, готовые части изданного позже труда) хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН.

¹⁴ Транскрипция географических названий изменена и там, где нам удалось локализовать их на современной карте, приведена в соответствие с их обозначением на этой карте и Указателем географических названий к ней.

¹⁵ У Иванова: Багран.

¹⁶ В одной из своих работ Иванов приводит название этого селения в форме Кубегу (Kubegū). См. (Ivanow 1923: 24, п. 3).

¹⁷ Селения Рекат и Голь, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, сохранились вблизи Бирджанда (к юго-западу от него) и по сей день. К этой группе селений можно добавить еще сохранившийся и поныне Хусп, также упоминаемый Ивановым в другой работе. См. (Ivanow 1923: 24, п. 3).

¹⁸ Селения Чахек и Седех сохранились вблизи Бирджанда (к северу от него).

¹⁹ У Иванова этот топоним регулярно с двумя «б», что не соответствует современному написанию.

²⁰ Бошруйе, селение, сохранившееся по сей день, расположено в Хорасане к северо-западу от Бирджанда, на почтительном расстоянии от него.

языку раннесредневекового трактата *Табака́т ас-суфийа*. Последний, состоящий из жизнеописаний суфийских старцев, предположительно написан одним из учеников шайха Абдаллаха Ансари со слов своего учителя (Lazard 1963: 110). Выдающийся «гератский старец», мистик, автор прозаических и поэтических произведений и комментатор Корана, Ансари происходил из Герата. Он жил и творил в XI в. н.э., а язык указанного трактата содержит многочисленные диалектные особенности, т.е. особенности гератского диалекта раннего средневековья. Хотя этот труд Иванова, в отличие от рассмотренных ранее, не входит в число полевых исследований автора, поскольку диалект г. Герата, расположенного в пределах нынешнего Афганистана, относится к хорасанской группе, то и данная работа Иванова представляет интерес и с точки зрения хорасанской диалектологии, а его комментарии в ней изобилуют наблюдениями, основанными на полевых исследованиях автора. Он обстоятельно описывает особенности языка памятника, в свойственной ему манере не оставляя без внимания нюансы. Это описание позволило позже выявить те черты гератского и некоторых других персидских диалектов, которые сохраняются в них поныне (см.: Иоаннесян 2015).

Возвращаясь к теме полевых исследований Иванова в области лингвистической ситуации Хорасана, укажем несколько его работ — одну, посвященную диалектам курдов, другие — языку цыган этой провинции. Первая под названием: “Notes on Khorasani Kurdish” вышла в свет 1927 г. (Ivanow 1927b). Хотя статья отнесена автором к разряду “Notes”, т.е. к «Заметкам», по своему содержанию она значительно выходит за рамки данного понятия. Курдологические исследования Иванова начались с того, что в 1918–1920 гг. он собрал в Северном Хорасане приблизительно 400 образцов поэзии и сказок, которые, как отмечает автор, «дают более ясное представление о языке, на котором говорят курды Хорасана» (Ibid.: 167). Эти образцы опубликованы в данной работе. В ней автор также приводит подробный список курдских племен Северного Хорасана с подразделением их на полукочевые и кочевые. Иванов отмечает, что язык курдов, переселившихся в этот регион 300 лет назад, не подразделяется на диалекты, хотя между ними наблюдаются некоторые местные особенности в произношении отдельных слов (Ibid.: 169). Сообщив ценные сведения общелингвистического и этнографического характера, Иванов переходит к очерку фонетики с подробным описанием звуков диалекта курдов Хорасана и их трансформаций, а затем — к морфологии. Завершает работу словарь диалектной лексики курдов указанного региона.

Три статьи Иванова посвящены цыганам Хорасана и их языку: “On the language of the Gypsies of Qainat” (Ivanow 1914), “Further notes on Gypsies in Persia” (Ivanow 1920) и “An old Gypsy-Darwish jargon” (Ivanow 1922).

Остановимся на первой из них. Под Кайенатом (Qainat), вынесенным в заглавие, очевидно, следует понимать г. Кайен, расположенный вблизи Бирджанда, так как топоним «Кайенат» нигде, кроме названия статьи, не встречается, а в самом ее тексте говорится о Кайене. Хотя данная работа прежде всего лингвистическая, в ней содержатся и ценные сведения этнографического и исторического характера, начиная от вариантов названий, применяемых для обозначения цыган в Персии и в Хорасане, в частности, до разбора разных версий их этнического происхождения с описанием их внешности. Лингвистическая часть статьи включает фонетику, морфологию, лексику и образцы четверостиший, а также один связный (прозаический) текст. В конце прилагается объемный словарь языка цыган данной местности. Иванов отмечает, что

в основе этого языка, по крайней мере в части лексики, лежит кайенский (персидский) диалект: «...кайенский диалект (или кайенское просторечие), лежащий в основе местного цыганского жаргона (*jargon*), является звеном в большой цепи иранских диалектов» (Ivanow 1914: 445). Слово «жаргон», которое использует автор, не должно вызывать удивление. Действительно, язык цыган, представленный в работе, заключает в себе загадку. Он, безусловно, имеет некоторое отдаленное сходство с персидскими или иранскими диалектами, однако его своеобразие, охватывающее все сферы, препятствует его однозначному отнесению к какому-либо конкретному языку или диалекту. Данный вопрос нуждается в специальном исследовании, а материалы Иванова и описание языка цыган Южного Хорасана начала XX в. неопценимы по своей значимости. То же относится и к трудам этого автора, посвященным дервишам, о которых речь пойдет ниже.

В третьей из перечисленных выше работ о цыганах прослеживается связь между лексикой персидских цыган (в частности Хорасана) и персидских бродячих дервишей. Основой для статьи послужила подаренная Иванову рукопись словаря «секретного языка» некоего религиозного сообщества (дервишей), существовавшего более 400 лет назад (на момент написания данной статьи). В работе приведен список лексем из того словаря, которые, по свидетельству Иванова, «до сих пор в употреблении у цыган» (Ivanow 1922: 379), также слов арабского, персидского и неясного происхождения, включая фонетически измененную известную лексику.

К серии трудов о языке цыган Восточного Ирана, обнаруживающем сходство, как установил Иванов, с аргю странствующих дервишей, тематически примыкает и отдельная статья Иванова, посвященная этому аргю: “*Jargon of Persian Mendicant Darvishes*” (Ivanow 1928b). Она содержит список лексики «условного языка» дервишей, записанной в Бирджанде от одного информанта, принадлежащего к данной группе. К дервишам Хорасана Иванов обращается и в другой своей работе “*Some Persian Darwish songs*” (Ivanow 1928c), вышедшей в том же выпуске журнала, что и указанная выше статья об аргю. Но, в отличие от последней, данная работа посвящена не аргю, а песням дервишей, язык которых представляет собой обычный персидский диалект южно-хорасанского типа.

Хотя диалекты Хорасана как персидские, так и другие находились в сфере особого внимания Иванова, его исследования охватывают иранские диалекты и за пределами данной провинции, а именно диалекты северо-западной подгруппы от каспийских до так называемых «диалектов Центрального Ирана»²¹. Преобладающее влияние персидского языка, в том числе по причине распространения грамотности населения, что само по себе является естественным процессом, привело к вытеснению местных диалектов не только в крупных городах, но и во многих поселках и деревнях, где только старшее поколение сегодня знает или помнит некоторые из более ранних местных диалектов. Эта общая закономерность, характерная и для персидских говоров, становится особенно актуальной в случае с «изолированными» в лингвистическом отношении диалектами, включая распространенные в Центральном Иране, не представляющими непрерывного лингвистического континуума, что только высвечивает важность их своевременной фиксации и значимость трудов Иванова в данной

²¹ Под этим термином понимаются многочисленные и разнородные говоры, распространенные преимущественно в сельских местностях Центрального Ирана — между Тегераном, Хамаданом, Исфаханом и Йездом, а также по окраинам пустыни Деште-Кевир и в ее оазисах. К ним, в частности, относят и говоры зороастрийцев (габри) городов Йезда и Кермана (Оранский 1979: 174–175).

области. Мы рассмотрим некоторые из них ниже не по хронологическому принципу, т.е. по времени выхода публикаций, а по географическому — по месту распространения говоров, следуя с севера Ирана к его центральной части и затем на восток.

Крайне интересна и ценна опубликованная в 1931 г. статья Иванова по диалекту деревни Газархан (у Иванова: *Gozärkhon*) на севере Ирана (в 35 км к северо-востоку от г. Казвина) “The dialect of *Gozärkhon* in *Alamut*” (Ivanow 1931). Его описание автор предваряет общими рассуждениями о существующих и возможных принципах классификации иранских диалектов, о чем разговор пойдет ниже. Особый интерес указанный диалект вызывает тем, что он, по выражению Иванова, «представляет собой переход от мазандаранского к диалектам, распространенным в западной части Центральной Персии» (Ibid.: 357). При этом он испытал и сильное воздействие персидского говора Казвина (Ibid.: 354). Попутно отметим, что, несмотря на то что диалект деревни Газархан, как он представлен в статье Иванова, по совокупности признаков близок к персидским, в нем явно наличествуют и элементы северо-западных иранских диалектов — как в морфологии, так и в фонетике. Очерк грамматики в данной работе Иванова включает фонетику, морфологию, список личных форм глаголов, две сказки на диалекте с английским переводом и список диалектной лексики.

Две работы Иванова посвящены говорам провинции Исфахан в Центральном Иране: “Two dialects spoken in the Central Persian Desert” (Ivanow 1926a) и “Notes on the dialect of *Khur* and *Mihrijan*” (Ivanow 1929). Первая содержит описание диалектов Энарека (у Иванова: *Anarak*), практически идентичных, по словам автора, говору Наина (Ibid.: 45), и Хора (у Иванова, как ни странно, выписано с долгим *ū*). Последний диалект подробнее освещается во второй работе, которую мы и рассмотрим ниже. Обе статьи основаны на материалах, собранных автором во время пути из Бирджанда в Исфахан через Тебес, Энарек и Наин²² весной 1913 г. (Иванов 1918: 412; Ivanow 1929: 45). Иванов говорит о диалектах Хора, Мехреджана, Герме (у Иванова: *Garmew/Garmāb*) и Аббасабада, расположенных поблизости друг от друга, как об одном диалекте. Он приводит очерк его фонетики и морфологии, а также список диалектной лексики Хора. Раздел морфологии содержит перечень личных форм глаголов. К работе прилагаются «Дополнительные замечания по диалекту Энарека» (“Additional notes on the *Anāraki* dialect”) с добавленным списком его лексики и «Замечания к статье Манна о диалекте Наина» (“Notes on the article on the *Nāinī* dialect by O. Mann”). Описание Ивановым диалекта Хора наглядно иллюстрирует тот факт, что он содержит черты как юго-западных, так и северо-западных иранских диалектов.

Особую ценность для персидской и иранской диалектологии представляет пространный очерк диалекта зороастрийцев Ирана: «The *Gabri* dialect spoken by the *Zoroastrians* of *Persia*», изданный Ивановым в четырех частях (Ivanow 1935–1939). К этой теме обращался и известный британский востоковед Э. Браун в опубликованной в 1897 г. работе: «A specimen of the *Gabri* dialect of *Persia*» (Browne 1897). Очерк Иванова предоставляет значительно более богатый материал по данному вопросу. Он содержит детальное описание фонетики и морфологии двух близких говоров зороастрийцев Йезда и Кермана, а также диалектные тексты с английским переводом и словарь. Помимо того, во Введении автор предлагает собственную классификацию западно-иранских языков и диалектов взамен существующей. Этой темы он касался и в рассмотренной нами выше работе (Ivanow 1931), но в данном труде Иванов

²² Передача географических названий приведена в соответствие с современной топографией.

излагает свою теорию более обстоятельно и с развернутым обоснованием. Вместо выделения в западной группе двух подгрупп — северо-западной и юго-западной, автор предлагает все иранские диалекты (включая персидские), которые по принятой классификации относят к «западным», разделить на четыре подгруппы: относящиеся к литературному персидскому языку, или восточно-персидские (literary Persian or Eastern Persian), западно-персидские (Western Persian), южно-персидские (Southern Persian) и смешанные (complex hybrids). Особо подчеркнем, что речь идет о классификации не персидских диалектов, а *всех* иранских диалектов западной группы и в том числе персидских. По этой схеме «западно-персидские» включают в себя диалекты, которые по существующему делению относят к «северо-западным».

Возвращаясь к собственно зороастрийцам, отметим, что рассматриваемая работа Иванова содержит как переведенные на оба их говора — городов Йезда и Кермана — некоторые материалы из труда Жуковского «Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 1» (Жуковский 1888), так и оригинальные диалектные тексты. В первом случае автор применяет тот же подход, что и Жуковский, — фиксацию одного или одних и тех же в содержательном отношении текстов, прочитанных носителями разных говоров, что облегчает их сравнение между собой. Один из текстов передан на диалекте зороастрийцев Йезда и на диалекте Наина (текст на последнем записан Манном). Отдельную ценность представляет помещенная в работе сводная таблица личных окончаний глаголов всех известных на тот момент северо-западных (по терминологии автора — западно-персидских) языков и диалектов.

О языковедческих работах Иванова, датированных после выхода в свет рассмотренного выше очерка о зороастрийцах, нам неизвестно. Вполне вероятно, что он явился последней из его лингвистических публикаций. Подытоживая сказанное о трудах Иванова по конкретным диалектам и говорам, отметим, что, хотя они отделены от нас во времени приблизительно столетием и несмотря на появление за этот период новых работ о данных диалектах более поздних исследователей, научное наследие Иванова в этой области никак не утрачивает своего значения, так как он зафиксировал диалекты на относительно ранней стадии и в более «первозданном состоянии». На том этапе они не испытали еще такого мощного воздействия стандартного персидского языка (فارسی معیار), как в последующие десятилетия. И в этом состоит их особая ценность.

Весь огромный опыт полевой работы и исследований живых персидских диалектов Иванова нашел выражение в его работе общего характера по фонетике разговорного персидского языка “Notes on phonology of colloquial Persian” (Ivanow 1930). Как отмечает сам автор, «настоящие записки основаны на личных наблюдениях в течение многолетнего пребывания практически во всех частях Персии: на севере — от Решта до Мешхеда, на востоке — от Кучана до Дуздапа²³, на западе — в Казвине, Хамадане и Керманшахе, на юго-западе — в Бушире, Ширазе, Исфахане, в Центральной Персии — от Исфахана до Йезда, Тебеса, Бирджанда и Кайена. Первая поездка состоялась в 1910 г., последняя — осенью 1928 г.» (Ibid.: 577). И далее автор поясняет цель данной работы: «...в своих исследованиях хорасанских и других персидских диалектов я часто использовал термин *bāzārī* или разговорный персидский. Настоящая статья частично суммирует и отчасти развивает то, что уже отмечалось в других работах...» (Ibid.: n. 2).

²³ Дуздап или Дузап — старое название г. Захедана на крайнем юго-востоке Ирана.

Иванов дает ёмкую и крайне информативную характеристику персидской фонетике. Он рассматривает несоответствие «живой стихии» разговорного персидского языка и его диалектов классическим канонам, применяющимся (применявшимся) в персидской поэзии, разбирает комбинаторные изменения, стяжения и прочие явления, описывает особенности многих гласных и согласных звуков в реальности. Уже в те далекие годы этот великий востоковед-иранист, основываясь исключительно на своем эмпирическом опыте, утверждал, что разговорный персидский не знает столь существенного для персидской поэзии деления на «долгие» и «краткие» гласные фонемы, а долгота и краткость часто носят в нем комбинаторный и позиционный характер. Так, некоторые гласные в определенном положении и под ударением могут быть длиннее тех, что по «классическим канонам» считаются долгими. Сетую на отсутствие технической базы, позволяющей записать и с точностью измерить эти звуки, Иванов предвосхитил времена, когда эти возможности станут реальностью. Позднее многие из данных идей нашли подтверждение, а в иранистике на смену понятию «долгих» и «кратких» гласных в современном персидском языке пришло их деление на «устойчивые» и «неустойчивые»²⁴ (см.: Основы иранского языкознания 1982: 23).

Крайне интересна высказанная также в данной статье Иванова идея о возможной «тональности» гласных звуков в персидском языке, их произнесении «по восходящей» и «нисходящей». Однако следует указать, что при всех случаях такая тональность в персидском, в отличие от некоторых других языков, не связана со смысло-различительной функцией.

Последняя работа, которую мы рассмотрим в этой части, выходит за пределы языкознания и посвящена этнографии Хорасана: “Notes on the ethnology of Khurasan” (Ivanov²⁵ 1926с), хотя и она полностью не обходит лингвистическую тематику. Этот ёмкий и крайне информативный труд лишь высвечивает широту научных интересов Иванова и тонкость его наблюдений. В нем автор рассматривает распространение и распределение персоязычного населения и персов в Иране в целом и в Хорасане в частности, указывая на то обстоятельство, что за последние (на момент написания данной работы) века удельный вес собственно персидского языка в стране уменьшался под воздействием появления существенных по численности тюркского и иных этносов. Отмечая смешение персов с пришельцами²⁶, Иванов выделяет критерии для определения собственно персидского населения: «...лучший подход состоит в том,

²⁴ В диалектах Хорасана, как показали исследования, отсутствует и противопоставление гласных фонем по признаку устойчивости — неустойчивости (Иоаннесян 1999: 27, 29; 1998: 72; Ioannesyan 2007: 267). О комбинаторной долготе гласных звуков под влиянием ударения, интонации, стяжения слогов и звукового окружения в тегеранском диалекте значительно позже писал и Л.С. Пейсиков (Пейсиков 1960: 21–22). Правда, он причислил Иванова к тем «многим иранистам», чья постановка вопроса о долготе гласных в персидском являлась «неубедительной» (Там же). Абстрагируясь от того, насколько это суждение Пейсикова могло быть продиктовано политическими соображениями его времени (Иванова в советскую эпоху нередко рассматривали как «буржуазного ученого», см. Часть 1), подчеркнем, что мало, кто из иранистов в СССР и на Западе, если вообще таковые имелись, обладал столь углубленными познаниями в области персидского языка и знакомством с его «живой стихией», как Иванов.

²⁵ В ряде своих работ Иванов выписывал свою фамилию как Ivanow, в других, как в данном случае, — Ivanov.

²⁶ К этой и сопряженной тематике до Иванова обращался и Н.В. Ханыков (Ханыков 1977), правда, в меньшей степени сосредоточиваясь на Хорасане. Наблюдения двух этих крупных ученых можно рассматривать как взаимодополняющие.

чтобы условно рассматривать персом в строгом смысле слова каждого, чей родной язык — один из персидских диалектов и кто не принадлежит ни к одному из неперсидских племен и не обнаруживает явных признаков связи с какой-либо другой расой (этносом)» (Ibid.: 143). Иванов называет Хорасан «самой крупной персоязычной провинцией Ирана» (Ibid.: 144), его диалект — «стоящим в наиболее близком родстве с классическим персидским, который породил великую персидскую литературу». Поэтому, заключает автор, «изучающий персидскую этнографию должен в поисках чисто иранского типа обратиться прежде всего к Хорасану».

Иванов, хорошо знакомый с общей лингвистической ситуацией в Иране, обращает внимание на то, что вариативность персидских говоров в Хорасане наименее ярко выражена и язык данного региона обладает в целом существенным единообразием. Тем не менее он выделяет в этой провинции три основные диалектные группы: северную (города Джувейн²⁷, Сабзевар, Нишапур), центральную (Туршиз²⁸, Гунабад²⁹) и южную (Кайен, Тун³⁰, Бирджанд). Иванов описывает множество населенных пунктов Хорасана и особенности его населения, а также отличие физического типа хорасанских персов от живущих в других областях Ирана.

Значительное внимание в работе уделено неперсидским этносам Хорасана — иранским и неиранским: курдам, белуджам, тюркам, тимури, хазарейцам/барбари³¹ (монгольского происхождения), арабам, евреям, цыганам и этнически смешанным группам. Иванов дает подробное описание курдов Хорасана, появившихся в этой провинции, как отмечает автор, со времен династии Сефевидов, перечисляет их племена, часть которых на момент его пребывания в этой провинции находилась на стадии перехода от кочевого образа жизни к оседлому, другие оставались кочевниками, указывает на их особенности, включая их отличия, с точки зрения физического типа, от курдов западных частей Персии, делает замечания по их языку.

По такому же принципу приводится описание белуджей и тимури, указываются их племена и места расселения каждого из них. Переходя к тюркам, Иванов отмечает, что они являются самым древним после персов населением Хорасана, ведущим преимущественно оседлый образ жизни. Они, по предположению автора, представляют собой «остатки многих последовательных волн захватчиков из Туркестана с X века» (Ivanov 1926b: 454). Их язык, подразделяющийся на множество диалектов, отличен от туркменского и тюркского языка Азербайджана. Говоря о хазарейцах, Иванов перечисляет их племена, названия которых совпадают с приведенными в книге Ефимова о языке афганских хазара (Ефимов 1965: 8), вышедшей несколькими десятилетиями позже. Это обстоятельство указывает на то, что речь идет о тех же самых хазарейцах, что проживают и в Афганистане.

Переходя к семитским народам — арабам и евреям, автор отмечает, что от некогда больших еврейских общин в городах Хорасана почти ничего не осталось и немногих их представителей, точнее несколько семей потомков насильно обращенных в ислам в 1839 г., можно видеть в Мешхеде. Практически здесь уместно ставить вопрос о «крипто-иудеях», так как они, хотя формально и считаются мусульманами, реально придерживаются своих правил и установок. Некоторые «старомодные (old-

²⁷ На современных картах: Джувейн.

²⁸ На современных картах: Кашмер.

²⁹ На современных картах: Гонабад.

³⁰ На современных картах: Фердоус.

³¹ Вариант передачи этого названия на русский язык — бербери (ср.: Ефимов 1965: 7, примеч. 2).

fashioned)» семьи даже сохранили свои своеобразные диалекты наподобие евреев Исфахана, Кашана и других мест. Арабы же, по словам Иванова, ведущие в основном кочевой образ жизни, живут на южных рубежах провинции, в районе Бирджанда, а также в пустыне вдоль главного пути. Небольшие их группы встречаются в Серахсе и других пунктах вблизи российской границы. В Бирджанде и Кайене среди арабов много сейидов. И хотя в физическом плане им присущ «чистейший» персидский тип, они, по мнению автора, являются потомками местных арабских поселенцев. Язык их состоит почти полностью из персидской лексики с «остатками» (remnants) арабской грамматики.

Цыганам также отведено место в работе, но, поскольку им посвящены отдельные публикации Иванова (см. выше), мы говорить здесь о них не будем.

Этим трудом мы завершаем раздел лингвистического и этнографического наследия великого ученого, насчитывающего около 23 работ, и переходим к другой его части — исследованиям в области исмаилизма, которые особенно поспособствовали приобретению Ивановым мировой известности.

(Продолжение следует)

Литература

- Акимущкин 2002 — *Акимущкин О.Ф.* Автобиографическая справка Владимира Алексеевича Иванова // *Петербургское востоковедение*. Вып. 10. С. 446–458. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.
- Ефимов 1965 — *Ефимов В.А.* Язык афганских хазара. Якаулангский диалект. М.: Наука, 1965.
- Жуковский 1888 — *Жуковский В.А.* Материалы для изучения персидских наречий: воншун, кохруд, кешэ, эфрэ. Ч. 1. Диалекты полосы города Кашана. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888.
- Иванов 1915 — *Иванов В.А.* Несколько образцов персидской народной поэзии // *Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества (ЗВОРАО)*. Т. XXIII. Пг., 1915. С. 33–60.
- Иванов 1918 — *Иванов В.А.* Краткая опись материалов для изучения персидских наречий и говоров, собранных в 1912–1914 годах в Персии // *Известия Российской Академии наук (ИРАН)*. VI серия. Пг., 1918. Т. 12 (вып. 6). С. 411–412.
- Иванов 2015 — *Иванов В.А.* Воспоминания о Востоке. 1918–1968 / Подготовка к публикации, предисл. и коммент. Б.В. Норика. СПб.: Контраст, 2015.
- Иоаннесян 1998 — *Иоаннесян Ю.А.* Изучение и основные специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского // *Страны и народы востока*. Вып. XXX. Памяти А.Л. Грюнберга / Под общей ред. акад. М.Н. Боголюбова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. С. 62–82.
- Иоаннесян 1999 — *Иоаннесян Ю.А.* Гератский диалект языка дари современного Афганистана. М.: Вост. лит., 1999.
- Иоаннесян 2015 — *Иоаннесян Ю.А.* Некоторые общие особенности ряда персидских и других западных иранских диалектов, отраженные в языке «Табакат ас-суфийа» А. Ансари // *На пастбище Мысли Благой. Сборник статей к юбилею И.М. Стеблин-Каменского*. СПб.: Контраст, 2015. С. 141–153.
- Оранский 1979 — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М.: Наука, 1979.
- Основы иранского языкознания 1982 — *Основы иранского языкознания*. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / Отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Наука, 1982.
- Пейсигов 1960 — *Пейсигов Л.С.* Тегеранский диалект. М.: Изд-во ИМО, 1960.
- Ханыков 1977 — *Ханыков Н.В.* Записки по этнографии Персии. М.: Наука, 1977.

- Browne 1897 — *Browne E.G.* A Specimen of the Gabri Dialect of Persia // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Northern Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. P. 103–110.
- Ioannesyan 2007 — *Ioannesyan Y.* Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum // *The Necklace of the Pleiades. Studies in Persian Literature. Presented to H. Moayyad on His 80th Birthday* / F. Lewis & S. Sharma (eds). Amsterdam; West Lafayette (Indiana): Rosenberg Publishers; Purdue University Press, 2007. P. 259–270.
- Ivanow 1914 — *Ivanow W.* On the Language of the Gypsies of Qāināt (in Eastern Persia) // *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*. 1914. Vol. 10. P. 439–455.
- Ivanow 1920 — *Ivanow W.* Further Notes on Gypsies in Persia // *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*. 1920. Vol. 16. P. 281–291.
- Ivanow 1922 — *Ivanow W.* An Old Gypsy-Darwish Jargon // *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*. 1922. Vol. 18. P. 375–383.
- Ivanow 1923 — *Ivanow W.* Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1923. Vol. 55. P. 1–34, 337–382.
- Ivanow 1925 — *Ivanow W.* Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan // *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB) (New Series)*. 1925. Vol. 21. P. 233–313.
- Ivanow 1926a — *Ivanow W.* Two Dialects Spoken in the Central Persian Desert // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1926. Vol. 58. Iss. 3. P. 405–431.
- Ivanow 1926b — *Ivanow W.* Muhammadan Childkilling Demons // *Man: A Monthly Record of Anthropological Science*. 1926. Vol. XXVI. No. 11. P. 195–199.
- Ivanov 1926c — *Ivanov W.* Notes on the Ethnology of Khurasan // *The Journal of the Royal Geographical Society (JRGS)*. 1926. Vol. 67. No. 2. P. 143–158.
- Ivanow 1927a — *Ivanow W.* Some Poems in the Sabzawari Dialect // *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1927 (pt. 1). P. 1–41.
- Ivanow 1927b — *Ivanow W.* Notes on Khorasani Kurdish // *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series)*. 1927. Vol. XXIII. No. 1. P. 167–236.
- Ivanow 1928a — *Ivanow W.* Persian as spoken in Birjand // *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal N.S.* Vol. XXIV. Calcutta: Asiatic Society of Bengal, 1928. P. 235–351.
- Ivanow 1928b — *Ivanow W.* Jargon of Persian Mendicant Darvishes // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. 1928. Vol. XXIII. No. 1. P. 243–245.
- Ivanow 1928c³ — *Ivanow W.* Some Persian Darwish Songs // *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*. 1928. Vol. XXIII. No. 1. P. 237–242.
- Ivanow 1929 — *Ivanow W.* Notes on the Dialect of Khur and Mihrijan // *Acta Orientalia*. 1929. Vol. 8. P. 45–61.
- Ivanow 1930 — *Ivanow W.* Notes on Phonology of Colloquial Persian // *Islamica*. Vol. IV. Fasc. 5. Calcutta, 1930. P. 576–595.
- Ivanow 1931 — *Ivanow W.* The Dialect of Gozärkhon in Alamut // *Acta Orientalia*. 1931. Vol. 9. P. 352–370.
- Ivanow 1935–1939 — *Ivanow W.* The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia. I–II (Grammar) // *Rivista Degli Studi Orientali*. 1935. Vol. 16. P. 31–97; 1938. Vol. 17. P. 1–39; 1939. Vol. 18. P. 1–59.
- Lazard 1963 — *Lazard G.* La Langue des Plus Anciens Monuments de la Prose Persane. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963.

References

- Akimushkin, Oleg F. “Avtobiograficheskaya spravka Vladimira Alekseevicha Ivanova” [Autobiographical Notes of Vladimir Alekseevich Ivanov]. *Peterburgskoe vostokovedenie*, 2002, vol. 10, pp. 446–458. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie (in Russian).

- Browne, Edward. "A Specimen of the Gabri Dialect of Persia". *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Northern Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1897, pp. 103–110 (in English).
- Efimov, Valentin A. *Iazyk afganskikh Hazara. Iakaulangskii dialekt* [The Language of the Hazara People in Afghanistan. The Yakaulang Dialect]. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli A. "Izuchenie i osnovnye spetsificheskie cherty khorasanskoi gruppy dialektного massiva iazykov persidskogo, dari i tadzhikskogo" [A Study in and the Basic Specific Characteristics of the Linguistic Continuum of the Persian-Dari-Tajiki Dialects. Pamiati A.L. Gryunberga]. *Strany i Narody Vostoka*, St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedeniie, 1998, vol. 30, pp. 62–82 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli A. *Geratskii dialekt iazyka Dari sovremennogo Afganistana* [The Herati Dialect of the Dari Language of Modern Afghanistan]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian).
- Ioannesyan, Youli. "Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum". In: *The Necklace of the Pleiades*. Studies in Persian Literature. Presented to H. Moayyad on His 80th Birthday. F. Lewis & S. Sharma (eds). Amsterdam & West Lafayette (Indiana): Rosenberg Publishers & Purdue University Press, 2007, pp. 259–270 (in English).
- Ioannesyan, Youli A. "Nekotorye obshchie osobennosti riada persidskikh i drugikh zapadnykh iranskikh dialektov otrazhennyye v iazyke "Tabaqat as-Sufiia" A. Ansari" [Some Peculiar Traits Common to Certain Persian and other Western Iranian Dialects as Reflected in the Language of the "Tabaqat of Sufiya" by A. Ansari]. In: *Na pastbishche Mysli Blagoi. Sbornik statei k iubileiu I.M. Steblin-Kamenskogo* [In the Pasture of Good Thoughts. Collection of Articles for the Anniversary of I.M. Steblin-Kamenskii]. St. Petersburg: Kontrast, 2015, pp. 141–153 (in Russian).
- Ivanow, Wladimir. "On the Language of the Gypsies of Qāināt (in Eastern Persia)". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*, 1914, vol. 10, pp. 439–455 (in English).
- Ivanow, Wladimir A. "Neskol'ko obraztsov persidskoi narodnoi poezii" [Some Samples of Persian Popular Poetry]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkhеologicheskogo obshchestva*, 1915, vol. XXIII, pp. 33–60. Petrograd (in Russian).
- Ivanow, Wladimir A. *Vospominania o Vostoke*. Podgotovka k publikatsii, predislovie i kommentarii B.V. Norika [Memoires of the East. Preparation for Publication, Introduction and Commentaries by B.V. Norik]. St. Petersburg: Kontrast, 2015 (in Russian).
- Ivanow, Wladimir A. "Kratkaia opis' materialov dlia izucheniia persidskikh narechii i govorov sobrannykh v 1912–1914 godakh v Persii" [A Brief List and Description of the Materials for a Study of Persian Dialects and Varieties, Collected in 1912–1914 in Persia]. *Izvestiia Rossiyskoi Akademii nauk* [Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie], series VI. Petrograd, 1918, vol. 12 (iss. 6), pp. 411–412 (in Russian).
- Ivanow, Wladimir. "Further Notes on Gypsies in Persia". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*, 1920, vol. 16, pp. 281–291 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "An old Gypsy-Darwish Jargon". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB)*, 1922, vol. 18, pp. 375–383 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Tabaqat of Ansari in the Old Language of Herat". *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1923, vol. 55, pp. 1–34, 337–382 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Rustic Poetry in the Dialect of Khorasan". *Journal of the Asiatic Society of Bengal (J(R)ASB) (New Series)*, 1925, vol. 21, pp. 233–313 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Two Dialects Spoken in the Central Persian Desert". *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1926, vol. 58, iss. 3, pp. 405–431 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Muhammadan Childkilling Demons". *Man: A Monthly Record of Anthropological Science*, 1926, vol. XXVI, no. 11. pp. 195–199 (in English).
- Ivanov, Wladimir. "Notes on the Ethnology of Khurasan". *The Journal of the Royal Geographical Society (JRGS)*, 1926, vol. 67, no. 2, pp. 143–158 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Notes on Khorasani Kurdish". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series)*, 1927, vol. XXIII, no. 1, pp. 167–236 (in English).

- Ivanow, Wladimir. "Some Poems in the Sabzawari Dialect". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, 1927, pt. 1, pp. 1–41. Calcutta: Asiatic Society of Bengal (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Jargon of Persian Mendicant Darvishes". *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, 1928, vol. XXIII, no. 1, pp. 243–245 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Persian as Spoken in Birjand". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal (New Series)*, 1928, vol. XXIV, pp. 235–351. Calcutta: Asiatic Society of Bengal (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Some Persian Darwish Songs". *Journal and Proceedings, Asiatic Society of Bengal*, 1928, vol. XXIII, no. 1, pp. 237–242 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Notes on the Dialect of Khur and Mihrijan". *Acta Orientalia*, 1929, vol. 8, pp. 45–61 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "Notes on Phonology of Colloquial Persian". *Islamica*, Calcutta 1930, vol. IV, fasc. 5, pp. 576–595 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "The Dialect of Gozärkhon in Alamut". *Acta Orientalia*, 1931, vol. 9, pp. 352–370 (in English).
- Ivanow, Wladimir. "The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia". *Rivista degli studi orientali*, 1935, vol. 16, pp. 31–97; 1938, vol. 17, pp. 1–39; 1939, vol. 18, pp. 1–59. Roma: Tipografo della R. Accademia d'Italia (in English).
- Khanykov, N.V. *Zapiski po etnografii Persii* [Notes on the Ethnography of Persia]. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian).
- Lazard, Gilbert. *La Langue des plus anciens monuments de la prose persane*. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1963 (in French).
- Oranskiy, Iosif M. *Iranskie iazyki v istoricheskom osveshchenii* [Iranian Languages from the Historic Perspective]. Moscow: Nauka, 1979 (in Russian).
- Osnovy iranskogo iazykoznanii. Novoiranskiye iazyky: zapadnaya gruppa* [The Basics of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: The Western Group]. Ed. by V.S. Rastorgueva. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian).
- Peisikov, L.S. *Tegeranskii dialect* [The Tehrani Dialect]. Moscow: IMO, 1960 (in Russian).
- Zhukovskii V. *Materialy dlia izucheniia persidskikh narechii: vonishun, kohrud, kesheh, zefreh. Chast' 1. Dialekty polosy goroda Kashana* [Materials for a Study of Persian Vernaculars: Voni-shun, Kohrud, Kesheh, Zefreh. Part 1. Dialects of the Region of the City of Kashan]. St. Petersburg: Printing House of the Russian Imperial Academy of Sciences, 1888 (in Russian).

Vladimir Alekseevich Ivanov — a World-Class Expert on Iranian Studies Part 1

Youli A. IOANNESYAN
Institute of Oriental Manuscripts, RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 10.12.2023.

Abstract: The article is devoted to the outstanding 20th-century researcher of Iran — V.A. Ivanov (or Wladimir Ivanow, as he often styled himself), whose scholarly studies combined two spheres: Persian/Iranian dialectology and Ismailism, while he himself stood at the origins of research in both these spheres. The author tried to consider Ivanov's studies in both these areas altogether for a full-

scale assessment of his great personality as a scholar, as well as of his contribution to world Oriental studies. The article, published in two parts, includes V.A. Ivanov's biography, sections concerning his works on linguistics/ethnography and Ismailism, as well as data on the significant replenishment by Ivanov of the IOM, RAS, collection of manuscripts and lithographs. Among the sources used for the article are V.A. Ivanov's own memoirs and IOM, RAS, archival materials.

Key words: history of Oriental studies, Persian/Iranian dialectology, Ismaili studies.

For citation: Ioannesyan, Youli A. "Vladimir Alekseevich Ivanov — a World-Class Expert on Iranian Studies". *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2024, vol. 21, no. 1 (iss. 56), pp. 115–134 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO627287.

About the author: Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID: 0000-0003-2936-1128.